

Но скоро восстанут народы,
Былое свое воскресят,
И стяг наш желанной свободы
Над Степью они водрузят.

Открытое письмо донцам.

Станичник редактор, сердечно прошу Вас поместить мое нижеследующее письмо к родным донцам.

Дорогие донцы, разбросанные по всем странам на чужбине! До каких пор мы будем терпеть и молчать? Наши выборные правители измываются над нами. Наш атаман А. П. Богаевский и г. Мельников и еще какой то Марков прямо идут против казачества. Мы же их выбрали на Дону вместе с нашими братьями, отцами и дедами защищать казачество и жить самостоятельно, а они теперь идут с русаками против своего казачества вольного. Мы же были спокоен веков свободные и вольные, а только когда нас Россия завоевала — и мы тогда стали подневольными. А потом, как Россия развалилась и все завоеванные ею народы освободились, и мы, казаки, не объединились в одну казачью державу, а действовали каждое войско самостоятельно, — потому и остались побежденными. Теперь идет по другому. Вольное Казачество состоит из всех казачьих Войск, и все, кто родился в Казачьих Землях, пользуются казачьими правами. Теперь мы будем все казаки и не будет, как раньше, — ты — казак, а ты — хохол или цапал. Россия разделяла нас для того, чтобы мы не образовали свое казачье государство. Теперь мы этого не допустим. В Казакии все будут казаки!

Наши донские правители заграбастали донскую казну, — да только и слышно — у них в Париже то бал, то концерт, поют да пляшут, а старики — казаки и инвалиды голодают. Почему же они, наши правители, не помогут в нужде казакам? Говорят, что нет денег. А где же деньги?

Нам, братцы, станичники, не нужно дремать, а нужно всем сделать запрос через журнал „Вольное Казачество“ и потребовать от атамана и председателя Мельникова, куда расходованы деньги Донской казны? Нужно потребовать, где находится наш Донской музей и старинные драгоценности, а то по освобождению казачества у нас, бывших за границей, потребуют отчет наши братья — донцы, на Дону оставшиеся. И мы будем виноваты, потому что наши правители едва ли поедут домой, потому что их будет судить Круг за все их заграничные дела. А потому нам надо объявить свое требование в казачьих журналах — в „Вольном Казачестве“ и в „Казачьем Спалохе“ — и требовать через них от правительства отчет.

Всем донцам и всем казакам, сынам одной казачьей державы — Казакии, мой поклон.

Ст. урядник Всевеликого Войска Донского, станицы Н.-Чирской А. Рыхлов.

Бухарест, 8 июня 1931 г.

Открытое письмо полковнику Чапчикову.

Многоуважаемый полковник Чапчиков!

Я, нижеподписавшийся, — бывший Ваш подчиненный в Калединском полку. Читая журналы „Вольное Казачество“ и „Казачий Спалох“, был поражен тем, что Вы, бывший мой начальник, идете теперь против вольного казачества. Я не верю, чтобы Вы, водивший нас, молодых орлят, в бой против русских ваньков, теперь бросили нас и пошли с ваньками против нас, казаков. Что заставило Вас изменить свой путь и идти против вольного казачества? Мою молодую душу Вы же зажгли вольно-казачьим духом, за Вами я шел в огонь и воду во имя казачества. А теперь Вы — младоросс и идете за Россию, а завтра будете великороссом и т. д.

Нет, господин полковник, теперь уж Калединовцы за Вами не пойдут! Калединовцы вилять не умеют. Они

шли за Дон, за казачество, к Казакии, а теперь идут прямо за Казакию и за подачками, за крошками с русского стола не нагибаются. Они скорее умрут голодными, но не изменят казачеству, умрут вольными казаками, а не младороссами, как Вы.

Вахмистр Калединовец, вольный казак М. Рышкин, станицы Камышовской, Войска Донского.
Бухарест, 8 июня 1931 г.

Горькие думы казака на чужом пиру.

Сейчас в Париже происходит международный футбольный турнир, организованный в связи с Колониальной выставкой. Турнир этот начался в субботу 6 июня встречей на городском стадионе в Венсенском лесу французской команды „Клуб Франсэ“ и чешской команды „Славия“. Последняя ушла с поля победительницей, вполне заслуженно побив французскую команду со счетом 4:1, обнаружив большое превосходство над французами во всех отношениях. Чехи спокойно и хладнокровно, с сознанием своего превосходства все время вели игру, показав игру, порою вызывающую подлинное восхищение публики. Но особенно отличился у чехов прахый бек, кажется, Женишек, который за все время игры не пропустил мимо себя ни одного мяча, не сделал ни одного неправильного удара, часто чудодейственным образом отнимая мяч у противников. Французская публика нарекла его именем „феномен“.

Но я не собираюсь писать о самой игре футболистов, а хочу поделиться с читателями теми думами, какие копошились в голове, видя торжество чехов, порою, невольно, вместе с ними (со мною вместе стояла группа чехов) переживая их энтузиазм.

Спорт сам по себе прекрасное дело, но вместе с тем — какое же это могучее средство для пропаганды имени своего народа!

Огромный и прекрасный городской стадион, окруженный старым густым зеленым лесом, кишит человеческими головами. 15-ти тысячная интернациональная публика с интересом ожидает появления команд. Трибуна переполнена. Места для представителей мировой прессы заполнены. Высоко и торжественно развеваются французский и чехословацкий государственные флаги. В публике слышится „чехословаки, чехословаки!“

Выбегают на поле „слависты“ в своей пестрой, красно-белой с пятиконечной звездой на груди, форме. За ними французы. Раздаются оглушительные аплодисменты. Огромный военный оркестр играет чехословацкий гимн, затем Марсельезу. Многолюдная публика, стоя в глубоком молчании выслушивает гимны.

Обстановка торжественная и величавая, но вместе с тем душу безродных скитальцев больно щемящая: почему мы лишены возможности иметь такой радостный, дух возвышающий момент; за какие свои грехи мы наказаны и лишены возможности иметь такие глубоко-волнующие душевные переживания под'ема, энтузиазма? За что? Почему?

Кино-операторы, фотографы бегут, суетятся, щелкают аппаратами. Господин во фраке и цилиндре, не то сам президент, не то министр, спускается с трибуны и, выйдя на середину поля, делает символический удар по мячу, начиная тем самым международный футбольный турнир. В это время, как резкий диссонанс всей торжественной обстановке, кое где раздаются слабые свистки. Очевидно коммунисты, не могущие равнодушно переносить „буржуазные“ церемонии. Затем начинается игра. И, как я сказал, чехи уходят победителями.

Завтра и еще несколько дней 15 тысяч человек всюду будут рассказывать об игре чехов, о чехословацком народе. Завтра о том же будет писать и вся мировая печать. Это ли не национальная пропаганда, это ли не политика!

О чем я думал в субботу на футбольном поле в Венсене? О том — какую неограниченную и блестящую возможность имели бы казаки в области спорта, если бы... если бы они имели возможность дома распоряжаться своей судьбой так, как они хотели; если бы они не были вынуждены отдавать половину своей жизни, а самое главное, лучшие, так сказать, „спортивные“ го-

ды своей жизни службе „матушке-России“ по расширению и охране ее границ, продолжать делать что и сейчас еще призывают их обанкротившиеся казахи „вожди“; если бы казачья интеллигенция свои силы и знания употребляла на помощь и пользу родного ее Казачества, помогала и содействовала творческому развитию всех духовных сил казаков? Сколько этих „если бы“!

Какую блестящую будущность может иметь правильно поставленное спортивное дело в Казахских Краях! Без всякой научной подготовки, созданная исключительно практическим, опытным путем казачья джигитовка своей лихостью, смелостью ныне поражает весь мир; таким же практическим путем получались бы виртуозные казачьи лодочные гребцы, из которых многие могли бы пожинать лавры побед на международных гонках; сама жизнь вырабатывала удивительных кулачников, из которых при правильной и систематической тренировке могли бы получиться мировые боксеры; сколько мировых рекордсменов в области метаний копий, дисков, бега и т. д. могло бы дать Казачество! По скольким руслам могла бы побежать по лицу земли слава казачья и сколько торжественных и радостных моментов мы могли бы переживать на европейской арене!

А каких блестящих футболистов могли бы дать казаки при правильной организации этого дела? Казачья физическая сила, прекрасное здоровье, природная ловкость, быстрота и натиск в гармоническом сочетании с казачьей „сметкой“, с молниеносной сообразительностью

(сообразение в момент падения с лошади — как лучше упасть?) являются верной гарантией, что казаки были бы лучшими мировыми футболистами.

Для иллюстрации того, что это мое предположение не является только моей праздной фантазией, приведу один пример. В Чехословакии среди тридцати мальчиков-калмыков, выросших на слабом беженском питании, в условиях эмигрантской скудности, была создана футбольная команда, которая в 1929 году в турнире средних школ Чехословацкой республики получила первый приз, показав за все время турнира прекрасную игру. Эта калмыцкая команда дала первоклассных игроков, один из которых теперь играет в составе лучшей футбольной команды Чехословакии (А. Уланов в „Спарте“).

Такая команда была составлена только из состава 30-ти мальчиков. А что было бы, если бы, выбор был произведен из большего количества калмыков? А что было бы, если бы команды составлялись из всего состава Казачества?

К сожалению, все это рассуждение на тему „если бы, да кабы“. Но, присутствуя в субботу на матче в Венсене, я с горечью думал об этом. И с головы моей не выходила мысль: какое счастье быть любимым сыном своего народа, живущего самостоятельной государственной жизнью и участвовать в деле прославления имени своего родного народа! Но как тяжело и больно видеть страдание и трагедию своего народа под властью жестоких врагов, а самому быть бездомным скитальцем, „лишним человеком“ на чужом торжестве!

Париж. 8 июня 1931 года.

Ш. Б.

Казачья эмиграция.

Не казачий тип из „Казачьего Союза“.

9 июня единственный в эмиграции старейший Бакша Донских калмыков (настоятель буддийского монастыря) явился в „Казачий Союз“ в сопровождении одного безработного гелюна (буддийского священника) с желанием просить для последнего работу. Не успели они войти в помещение Союза, как г. Зенков, не спрашивая — зачем они пришли, грубейшим тоном приказал: „снимите шапки“!

Старый Бакша, всю жизнь привыкший снимать шапку только перед образами Божьими, теперь уже нарочно, спокойно осмотрел комнату и ответил: „здесь нет образа Божьего, мне не перед кем снимать шапку“. Зенков еще более грубо ответил: „у нас нет образа Божьего, но из уважения к моей личности вы обязаны снять шапку. Снимите“!

Само собою разумеется, я об этом пишу не потому, что Бакша сочувствует моим политическим взглядам. Нет, конечно, ибо Бакша совершенно и принципиально далек от всякой политики, свою мысль и взоры направив исключительно в сторону духовных дел, чистой религии. Он никому не говорил и не скажет об этом зенковском „приказе“, ибо это для него — „суета сует и всяческая суета“. Но я слышал, как сопровождавший его гелюн с горечью рассказывал об этом в кругу своих калмыков. Было обидно и больно слышать, как человек, воображающий себя одним из казачьих „вождей“, с такой легкостью и без всякой надобности позволяет себе оскорблять единственного в эмиграции духовно-религиозного главу донских калмыков, вместе с казаками горькую чашу до дна выпивающих.

Бедный наш старый Бакша, какие горькие думы он думал, выслушивая такой фельдфебельский „приказ“! Ведь не г. Зенкову учить Бакшу приличиям, уменью держать себя в обществе? Даже с точки зрения общественного этикета, Зенков мог свободно обойтись без своего „приказа“, так как в Париже не особенно принято снимать шапку: в ресторанах, в кафе, даже в официальных учреждениях — на почте, в государственных музеях, в мерях и т. д. шапку не снимают. Но Зенкову захотелось показать свою власть над старым калмыком...

Ведь у этого самого Бакши, над которым Зенкову захотелось поиздеваться, в страшную зиму 1918 года скрывался „Донской Байан“, Митрофан Богаевский, бежавший в калмыцкие степи от большевиков. В его доме гостил и Донской Атаман А. Богаевский. Они не требовали от него приличия, не учили его, не приказывали снять шапку. А теперь, когда в силу страшного несчастья наш старый Бакша вынужден надеть потертый пиджак, в помещении, хозяином которого является тот же атаман Богаевский, г. Зенков, не приглашая даже себя, приказывает ему почтительно снять шапку перед ним!

О, люди, о, нравы!

Ш. Балинов.

ВАСИЛИЙ Г. БОДЯКИН (кубанец, лаби-нец). Умер три года тому назад (15 июня 1928 г.) в Югославии. Фотография помещается по просьбе К. Ачмизова (В. Бечкерек, Югославия).

Казаки в Панчево.

... Город Панчево, это уютный пригород Белграда, лежит при впадении реки „Тамиша“ в Дунай. Там есть и Панчевая казачья станица. В этой станице есть дошцы, кубанцы и казаки других Войск, но последних мало. Занятие у них очень разнообразное; есть слесари всех родов, мастеровые, шоффера даже имеющие собственные автомобили. А небольшая группа из них работает в местном „Русском госпитале“. В госпиталь